

Параметры и механизмы латентной сферы современной политики

А.Е. Коньков

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация;

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию параметров, способствующих идентификации и структурированию латентной сферы политики как особого пространства взаимодействия и самореализации акторов по скрытому достижению целей и решению властно значимых задач. В силу закрытости соответствующих процессов латентная сфера, как правило, сложна для распознавания и рационального описания. Однако комплексный взгляд на политику в целом и государственную политику в частности позволяет оценить как функциональную обусловленность латентных механизмов и технологий политического пространства, так и их «пользовательскую» востребованность в силу значительно уступающих возможностей публичной сферы. Современные практико-ориентированные методы постбихевиоральной эпистемологической ориентации, позволяющие в логико-интуитивном ключе интерпретировать события и явления современной политической коммуникации, вкупе с нормативистскими, сетевыми и компаративными подходами сформировали методологическую основу для последовательного исследования проблемы.

По итогам исследования среди общих параметров, характеризующих присутствие и развитие элементов латентной сферы, были выделены: многоуровневость политики, ее классификация и этапизация, предопределяющие специфику латентных явлений на разных уровнях, в разных видах и на разных стадиях. В контексте государственной политики последний параметр позволяет различать вариативность латентных практик как при целеполагании (где скрытыми могут быть преследуемые цели), так и при целедостижении (где латентными становятся механизмы достижения установленных приоритетов). Когда цели носят латентный, а механизмы их достижения — публичный характер, речь может идти об эксплицитных (объясняемых) политических явлениях и действиях. Когда цели, наоборот, публичны, а механизмы латентны, формируется логика имплицитного (подразумеваемого) политического явления. При этом эксплицитные и имплицитные разновидности политической активности протекают одновременно в публичной и латентной сферах, что позволяет четче идентифицировать последнюю. Делается вывод, что явления имплицитной политики в большей степени отражают содержание латентной сферы, поскольку опираются на нестатичные латентные механизмы, осуществляемые в русле конвенциональных, публично фиксируемых и делиберлируемых политических целей. Реальная политика при таком взгляде не только не отождествляется с публичными практиками, но и, по сути, лишь скрывается за публично-имитационной видимостью отношений всех со всеми, по-прежнему основываясь на латентно-фактической реальности взаимодействия подлинных акторов и их интересов.

Ключевые слова: латентная сфера; публичная сфера; государственная политика; интересы; политические цели; политические механизмы

Для цитирования: Коньков А.Е. Параметры и механизмы латентной сферы современной политики. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(5):43-54. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-43-54

Parameters and Mechanisms for the Latent Sphere of the Modern Politics

A.E. Konkov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation;

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article is devoted to the study of parameters that contribute to the identification and structuring of the latent sphere of politics as a special space for interaction and self-realization of actors in covertly achieving goals and solving

imperiously significant tasks. Due to the closeness of the relevant processes, the latent sphere is usually difficult to recognize and rationalize. However, a comprehensive look at politics in general and public policy in particular makes it possible to assess both the functional conditionality of latent mechanisms and technologies of the political space, as well as their “user” demand due to the significantly inferior capabilities of the public sphere. Modern practice-oriented methods of postbehavioral epistemological orientation, which make it possible to interpret events and phenomena of modern political communication in a logical and intuitive way, together with normative, network and comparative approaches, have formed the methodological basis for a consistent study of the problem. According to the results of the study, among the general parameters characterizing the presence and development of elements of the latent sphere, the following were identified: the multilevel nature of politics, its classification and staging, which determine the specifics of latent phenomena at different levels, in different types and at different stages. In the context of public policy, the latter parameter makes it possible to distinguish between the variability of latent practices both in goal setting (where goals may be hidden) and in goal achievement (where mechanisms for achieving established priorities become latent).

Keywords: latent sphere; public sphere; public policy; interests; political goals; political mechanisms

For citation: Konkov A.E. Parameters and mechanisms for the latent sphere of modern politics. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(5):43-54. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-43-54

ВВЕДЕНИЕ

Политическая сфера структурируется на основе дуализма отношений — будь то между индивидом и группой, обществом и государством, публичными и частными акторами. В этой связи выделение внутри нее двух метасфер — публичной и латентной [1] — оказывается логичным и в известной мере ожидаемым. Такого рода «сферная» дихотомия воспроизводит ту самую асимметрично-конкурентную природу политики, онтологически опирающуюся на незримый водораздел между властвующими и подвластными.

П. Хофф, А. Рафтери и М. Хендкок прямо выделяют особую «вероятностную» сферу, в которой наличие и глубина (близость) связи между субъектами определяется вероятностью наличия зависимостей между ними [2, с. 1090]. Это позволяет оценивать «латентное, ненаблюдаемое пространство» [3, с. 255] на основе уравнивания расхождений между наблюдаемыми характеристиками и некими скрытыми параметрами и позициями, имеющими вероятностную природу.

Один из родоначальников теории элит Г. Моска акцентировал внимание как раз на функциональной составляющей политического класса, обосновывая его сплоченность и эффективность не столько материально-идейными основаниями, сколько внутренней (латентной) функцией перманентного укрепления собственных позиций в завоевании и удержании власти. Элиты, каковы бы ни были их публичные цели и методы управления, всегда мотивированы скрытым позывом к воспроизводству и максимизации власти. В этом смысле они находятся под давлением общества, сохраняющего источники воспламенения протестов, грозящих перепозиционированием доминирующих сил.

Таким образом, формируя свой функционал под давлением общества и его гипотетических угроз,

элиты руководствуются интересами не только публичной самореализации, но и непубличной активности по снижению рисков, поиску и заключению договоренностей, их нарушению в случае вступления в противоречие с ключевыми интересами, выстраиванию коалиций и сложных сделок во имя базовых задач поддержания и укрепления уже имеющихся статусов. Такие де-факто активности, как правило, даже не проговариваются отдельным образом, специально не регулируются, они изначально носят довербальный и подразумеваемый (имплицитный) характер. Они, в общем, не столько за рамки публичной сферы выносятся, сколько сами по себе образуют особую латентную сферу, не предполагающую участие массового (коллективного) актора.

Иными словами, с одной стороны, выстраиваются функционально обусловленные отношения значимых участников политического процесса вне нормативно обусловленных рамок и помимо видимого (публичного) взаимодействия. С другой стороны, именно этот тип отношений формирует подлинную «инфраструктуру» политики, где при-способливаются имеющиеся или даже специально создаются институты.

ОБЩИЕ ПАРАМЕТРЫ ЛАТЕНТНОЙ СФЕРЫ ПОЛИТИКИ

Политика в силу своей природы является источником формирования инструментов скрытного воздействия акторов на государство и общество. Явления, образующие латентную сферу, проистекают из сущностно-функциональной специфики самого политического типа организации взаимодействия. В ее основе — высокая конкурентность и крайняя (предельная, всеохватная) степень ресурсности, которой обладает государственная власть.

Латентные механизмы и технологии оказываются функционально необходимыми акторам для уста-

новления и поддержания контроля над процессами, собственно обеспечивающими их акторство как таковое. Сам политический класс не просто задействует их — он становится функционально зависимым от их использования. Такие инструменты оказываются необходимы, с одной стороны, для укрепления элитарных позиций и, соответственно, воспроизводства латентной, скрытой от рядового обывателя сферы реализации корпоративных интересов. С другой стороны — для более эффективного продвижения востребованной структуры власти, для обеспечения развития, воспроизводства политики в целом и ее публичной проекции.

Без латентных технологий власть не способна к полноценному функционированию, а формируемые вокруг нее политико-административные иерархии оказываются недостаточными, поскольку не способны конкурировать с более гибкими и подвижными гражданско-сетевыми моделями.

Вместе с тем за счет того, что коллективный актор, выступающий базовым стейкхолдером современных гражданских инициатив и проектов, обладает лишь теми инструментами выражения и продвижения своей воли, которые существуют в публичном пространстве, функционально он будет уступать как раз более мощным за счет своих латентных связей элитарным игрокам. Последние, хотя и позиционируются чаще в контексте публичных иерархических институтов, однако имеют в своем арсенале и по факту активно задействуют гораздо более обширные возможности латентной сферы.

Наличие элитарных и неэлитарных слоев в купе с конкурентным характером взаимодействия предопределяет различие объективно воспринимаемой публичной части пространства политики и находящихся вне всеобщего видения проекций негласной или как минимум прямо не постулируемой политической целесообразности — разнообразных замыслов, целей и установок, договоренностей, обязательств взаимной поддержки и покровительства и проч. То есть политика состоит из прямо выраженных акций — тех, что артикулируются, открыто и публично осуществляются, — и явлений скрытых, де-факто определяющих, функционально обуславливающих взаимодействие акторов, однако специальным образом не фиксирующихся в общественно-политическом сознании и остающихся по сути своей латентными на фоне основной массы политических форматов.

Место, роль и значение латентных механизмов определяется активностью государства как эпицентра политического взаимодействия, средоточия

всего спектра политических отношений. Вместе с тем в силу многомерности трактовки и интерпретации сущности и функционала государства возникают различные основания и для применения скрытых политических инструментов — таких, например, как широко обсуждаемый феномен «глубинного государства» [4].

С учетом развития и диверсификации публичных и латентных атрибутов политики как обширного пространства общественных отношений государство подвергается заметным трансформациям. В контексте государственной политики проявляются как общие, характерные для широкого круга политических явлений параметры соотношения публичных и латентных форм и инструментов, так и особые, базирующиеся на общих, но свойственные именно политико-административным моделям вариации публично-латентной дихотомии.

Общие параметры подразумевают функционально обусловленное априорное присутствие в политическом пространстве в дополнение ко всем публичным атрибутам разнообразных латентных элементов взаимодействия. Такого рода общие параметры обусловлены структурой политического процесса в контексте роли и функций государства, за доступ к ресурсам которого конкурируют акторы. Общие параметры отражают одновременное фактическое протекание процесса в публичной и латентной сферах.

Особые параметры латентных явлений (и их соотношения с публичными) определяются не только индивидуальными чертами складывающихся здесь и сейчас политических отношений (хотя и это тоже, вне всякого сомнения — сами акторы, попадая в определенные обстоятельства, не могут не влиять на дизайн собственных стратегий), но и рамками тех же самых общих (общеполитических) параметров, но уже в их конкретных конфигурациях институционального или национального свойства.

Особые параметры проявляются в качестве значений, которые общеполитические параметры приобретают в текущих процессуальных обстоятельствах. Особость в данном случае представляет собой, по сути, отдельный кластер, образующийся при сочетании этих значений и отражающий специфику латентной функциональности в различных структурных элементах государства и государственной политики.

Общие параметры латентных явлений включают следующие комплексные характеристики государственной политики.

1. Многоуровневость политики. Различаются микрополитический, мезополитический, макро-

политический и мегаполитический уровни. На каждом соотношении публичных и латентных форм выстраивается по-разному, исходя из различий участников процесса. Если микрополитика определяется межличностными и внутригрупповыми характеристиками (которые и рассматриваются-то зачастую вне собственно политической науки), что предопределяет высокий потенциал для латентной сферы, то остальные уровни больше ориентированы на позиционирование элементов публичной политики и публичной сферы как внешних атрибутов процесса обретения ключевых договоренностей, сохраняющих свою действенность в латентной сфере.

2. Классификация политики. В контексте государственной политики речь может идти об отраслевых направлениях (сферах): молодежная, научная, информационная, экономическая, экологическая и др. Разновидности политики по отраслевому принципу носят, как правило, универсальный характер, а потому характеризуют латентные и публичные элементы в общем плане. Так, экономическая политика, связанная с распределением материальных ресурсов, несмотря на публичные «правила игры», чаще тяготеет к латентной сфере в силу высокой конкурентности самого предмета [5]. То же самое может быть отнесено к информационной политике, которая, хотя и имеет своим предметом публичный обмен информацией, предполагает упорядочение коммуникационных потоков и контролирование их в интересах, как правило, не носящих публичного характера [6].

3. Этапизация политики. В контексте государственной политики это, в первую очередь, целеполагание (выработка целей и формирование политики) и целедостижение (использование механизмов на пути к целям и реализация политики). Каждая из этих процессуальных стадий находит свое отражение и в публичной, и в латентной сфере одновременно.

Так, в публичной сфере ожидается выработка общесоциальных приоритетов и ценностей, служащих одновременно отправной точкой и ожидаемым результатом совместных усилий коллективного актора. В латентной сфере ведется конкуренция между наиболее активными игроками за влияние как на процесс выработки приоритетов, так и на доступ к ресурсам для их последующей реализации.

Однако и в процессе реализации политического курса, когда в общем и цели утверждены, и ресурсы распределены, формируются новые траектории для различения публичной и латентной сфер. Публично реализуются и корректируются заявленные планы,

а латентно развивается борьба между игроками как на более простых и потому менее заметных участках (распределение заказов на выполнение работ, увеличение бюджета в силу изменившейся конъюнктуры и др.), так и в более стратегически значимых областях (критика со стороны не допущенных к целеполаганию и целедостижению игроков, ориентированная на получение мандата на полный пересмотр политики и ее перезапуск на собственных условиях).

Политика, хотя и генерируется из многообразной природы разнонаправленных интересов здесь и сейчас, традиционно формулируется через долгосрочные телеологические конструкции, предусматривающие интеграцию действий государства и общества вокруг совместных целевых ориентиров. Элиты и массы солидаризируют свои интенции при попытке совместно заглянуть за некий временной горизонт. Особо выпукло это проявляется на примере современных прикладных подходов и концепций, заимствованных во многом из корпоративного сектора — таких как *new public management*, *performance-based management*, программно-целевое управление, бюджетирование, ориентированное на результат, государственные проекты и программы и т.д. [7, 8].

Публичные инструменты способны обуславливать рациональный характер политики: акторы объединяются вокруг государства и осуществляют свою деятельность в контексте формирования общих интересов и извлечения из них пользы. Вместе с тем далеко не всеми признается безусловность рациональности политики. С учетом сложности понятия государства, его динамической многоакторности в процессе принятия решений (одни структуры получают разовый доступ к этому процессу, другие обладают им долговременно, третьи — спорадически, четвертые — утрачивают) [9], а также в условиях вариативной субъектности государства единая осмысленность, соответствие определенным принципам всех его действий становится все более затруднительной.

В этой связи целесообразность (соответствие цели) политики подвержена предсказуемой изменчивости, что может проявляться как в развитии по факту декларативности целей, так и в их общей нестабильности и расширении практик символической политики, усложняющих роль и смысл целевых установок.

С процессуальной точки зрения цель структурирует политику на два масштабных элемента — формирование политики (целеполагание)

и ее реализацию (целедостижение) [10, 11]. Первое отличается высокой конкурентностью (требует выбора из максимально широкого набора альтернатив), существенной неопределенностью (в число факторов попадают ожидания) и, как следствие, отложенной ответственностью, которая актуализируется в последующем элементе политики. Целедостижение в большей степени подвержено политико-административной рутинизации и технологизации и, в отличие от венчурной природы процесса целеполагания, ассоциируется не столько с вариативностью, сколько с исполнительской дисциплиной. Тем не менее и в рамках этого элемента сохраняется поле для политической конкуренции как в контексте интерпретации имеющихся задач, так и в ответственности за их реализацию.

Традиционно особое внимание исследователей (как, впрочем, и практиков) уделяется проблемам разработки политики, ее формирования и планирования: что, как и когда делать. Однако несмотря на то, что целеполагание рассматривается как определяющая составляющая процесса принятия решений, раскрывающаяся в большом числе как теоретических, так и прикладных источников [12–14], в процессе выработки политики происходит активное сопряжение публичной и латентной сфер.

ЛАТЕНТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ И ТЕХНОЛОГИИ В СТРУКТУРИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Рациональная целесообразность коллективных действий, которая универсализирует стратегии акторов в процессе политической самореализации, опирается на консенсусную логику проектирования воздействия на социальную реальность. В основе ориентированного на результат воздействия идентифицируются цели и механизмы их достижения. Оба элемента, в зависимости от масштаба и длительности активного горизонта, могут быть декомпозированы на более простые структурные единицы (задачи, мероприятия, ключевые события, контрольные точки и др.). Однако определение некоего нового желаемого состояния, которое необходимо обрести (цель), и алгоритма, способа перехода к нему из текущего состояния (механизм), характеризуют собственно базовую модель политико-управленческого действия.

В отличие от целей, призванных интегрировать усилия, механизмы более вариативны — их разнообразие позволяет предполагать множественность путей достижения желаемого результата. При этом

специфика механизмов в политике отличается особым многообразием, носящим, как правило, контекстуально-прикладной характер, и анализируется чаще всего через призму конкретного набора отношений — представительских [15], социальных [16], международных [17] и др.

При этом если цели, как правило, носят уникальный или претендующий на единовременность характер (отражают приоритетность определенного горизонта действия в конкретном историко-временном моменте), то механизмы по своей природе инструментальны и тиражируемы (приобретают нужную эффективность по мере адаптации и повторения), а также комплексны и, в известной мере, самоподобны (фрактальны, т.е. отражают совокупность более мелких схожих итераций). Программы и проекты, например, могут являться механизмами реализации политики и одновременно структурироваться на собственные цели, задачи и механизмы, которые, в свою очередь, также будут предусматривать подобные более конкретные элементы.

Механизмы, отражающие инструментально-технологическое измерение политики, отличаются отраслевой, институциональной, идеологической спецификой. При этом их собственная структура предполагает либо субъект-объектные (нисходящее воздействие на социум и его единицы), либо субъект-субъектные (диалоговый контакт власти с гражданами) отношения акторов по трансформации существующей реальности. Здесь определяющим является либо предмет приложения политической энергии, либо специфика управляющего субъекта, ориентированного как на продвижение своей воли, так и на привлечение обратной связи и поиск консенсуса.

Сегодня, в условиях повсеместного доминирования либерально-рыночной модели социальных связей, когда жесткие меры воздействия уступают место потребности в эмпатии, взаимовыгодным долгосрочным контактам и разным формам ненавязчивого принуждения, субъект-субъектные механизмы оказываются более востребованы в том числе и в политико-административных форматах. Если публичность в равной мере присуща и субъект-объектным, и субъект-субъектным конструкциям, то латентные механизмы базируются именно на последней форме взаимодействия, предполагающей межсубъектные интеракции диалогового и взаимообусловленного характера.

Технологии, отражающие инструментально-прикладную специфику механизмов движения к поставленным целевым ориентирам, представ-

ляют собой постоянно развивающиеся явления, позволяющие варьировать подходы к выбору оптимального способа получения искомого результата. Селекция механизмов в политическом целеполагании — принципиальная задача для актора, сопоставимая с предшествующими стадиями артикулирования и легитимации целей — задача, определяющая конкурентоспособность в комплексном и полисубъектном процессе формирования и реализации политики.

Здесь также возникает определенная развилка в восприятии механизмов достижения результата. С одной точки зрения, механизмы сугубо контекстуальны (ситуативны) и детерминируются конфигурацией обстоятельств, в которых необходимо решать поставленные задачи (каждая проблема требует своих механизмов решения). С другой — они как раз универсализируемы, совсем не связаны с какими-либо внешними условиями (по крайней мере, политическими) и различаются лишь по степени пользовательской сложности, которой будет определяться результативность в зависимости от условий использования акторами.

С учетом большей ориентации на субъект-субъектные формы взаимодействия латентные механизмы и технологии, требующие известной гибкости и адресности, как правило, глубоко вписаны в контекст их практического применения, опираются на весь комплекс факторов, определяющих проблему здесь и сейчас. Более того — и оттачивание, совершенствование скрытых возможностей достижения ожидаемого результата обуславливается именно более глубоким вовлечением в объект воздействия, изучением и задействованием дополнительных особенностей ситуативного анализа и прогнозирования. Вместе с тем нельзя не отметить и особую инклюзивность латентных механизмов — их способность проникать в нормативно приемлемые возможности публичной сферы и оперировать ими в скрытом ключе.

Иными словами, латентные механизмы развивают свою действенность и в публичном поле — акторы используют его возможности для решения все тех же скрытых задач. Это имеет место и в социальных сетях, и в современных мессенджерах, и даже в традиционных СМИ («сливы» и компроматы, информационные войны между разными властными группировками). Опора на актуальные инфраструктурные возможности информационного общества не только укрепляет технологическую эффективность политического взаимодействия (как в публичной, так и в латентной сфере), но и спо-

собствует снижению транзакционных издержек коммуникационного процесса, которые растут по мере институализации механизмов открытости и подотчетности.

Через апеллирование к публичной сфере игроки латентной сферы конкурируют между собой, нивелируют риски утраты своих позиций, вытесняют из политического процесса своих противников за счет их публичной дискредитации. Современные информационные войны, разного рода мифы и управляемые коммуникационные шумы, манипулятивные технологии представляют собой обширные практики поиска акторами наиболее оптимальных механизмов использования публичного дискурса в своих интересах.

Если позитивная латентность (скрытое достижение скрытых же целей) является трудноуловимым феноменом в силу высокой зависимости от субъективных факторов индивидуального и группового акторства, то методичный мониторинг динамики политической повестки дает основания для идентификации маркеров использования латентных механизмов в публичном поле.

В частности, если результатом латентных действий (механизмов) является трансформация публичных явлений, ориентированная на реализацию совсем не тех целей и интересов, которые декларируются, то в процессе рационального функционально-технологического достраивания наблюдаемые расхождения между риторикой и активностью позволяют верифицировать подлинные смыслы акторского поведения.

Будучи идентифицированными, латентные механизмы, таким образом, позволяют, следуя логике Г. Алмонда, отвечать на оба ключевых запроса политической науки: не только характеризовать задействующие их политические институты, но и становиться критериями их перспективной оценки [18, с. 23]. Латентные механизмы и технологии представляют ценность не только с точки зрения эффективности достижения результатов, ради которых они используются, но и в силу тех связей, которые они формируют между участниками политического процесса, их целями и последствиями их активности для общества и государства.

ЭКСПЛИЦИТНЫЕ И ИМПЛИЦИТНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛАТЕНТНОЙ СФЕРЫ

Представляя собой совокупность увязанных между собой разными целями действий (механизмов целодостижения) политических акторов в публичной

и латентной сферах, государственная политика формирует наиболее показательную мегаарену переплетения скрытых и открытых элементов соответствующих отношений. Развиваемый в ее рамках де-юре и де-факто институциональный дизайн, по сути, увязывает воедино два метапространства социального взаимодействия — публичное и латентное, в рамках которых и между которыми осуществляются многообразные политические действия между акторами.

В силу целесообразного характера каждое из политических действий обладает двумя характеристиками — формально-векторной (направленность на определенную цель — целеполагание, придающее политике перспективную форму) и содержательно-скалярной (перераспределение ресурсов — целедостижение, наполняющее политику содержанием: производимые мероприятия, проекты, документы). Векторная (кинетическая) характеристика политического действия представляет собой желаемый (ожидаемый) результат политики (целевой показатель), скалярная (потенциальная) — механизм ее реализации (совокупность принимаемых мер как различных сочетаний задействуемых ресурсов: финансовых, административных, трудовых и проч.).

Таким образом, базовой структурой сложного скалярно-векторного политического процесса становится механизм использования имеющегося ресурса (содержание — потенциал) в направлении желаемого результата (формы — кинетики).

Если обе характеристики политического действия (желаемый результат и механизм достижения) находятся в публичной сфере, то данное действие носит публичный характер. Если обе характеристики по преимуществу погружены в латентную сферу, то обусловленное ими действие, в свою очередь, также суть латентное явление.

Рассматриваемые изолированно друг от друга публичные и латентные механизмы характеризуют два «идеальных» формата вовлечения в политику, ограничивающие с разных сторон континуум реального пространства политических отношений. Но если публичная сфера обладает достаточными свойствами для рациональной идентификации смыслов и замыслов политических акторов, то латентная сфера, как правило, представляет собой *terra incognita* для позитивно формирующегося знания, а потому оставляет больше опций для маневрирования участников.

Латентная сфера развивается и воспроизводится как совокупность субъективно конструируемых замкнутых коммуникационных контуров, содержание

которых скрыто от внешних, не входящих в оговоренный круг участников, и потому воспринимается также через ограниченный набор не всегда уверенно идентифицируемых акций и интеракций, спорадически возникающих в публичном пространстве и служащих одновременно и источником социального «любопытства» (конспирология и «жареные» факты), и инструментом легитимации закрытых договоренностей.

Вместе с тем, наряду с идеальными типами, представляющими собой, соответственно, публичные механизмы для публичного результата и латентные механизмы для латентного результата, политика включает и действия, осуществляемые одновременно в обеих сферах или в пространстве их соприкосновения (между ними): публичные механизмы для латентного результата и латентные механизмы для публичного результата.

Эти явления, находясь внутри описываемого континуума, представляют собой, с одной стороны, наиболее значимые в политическом смысле действия, которые наполняют само содержимое самореализации акторов (воплощение скрытых интересов посредством публичных ресурсов) и отражают поиск межэлитарного консенсуса, а с другой — представляют и явные методологические ориентиры для освоения латентной сферы внешними наблюдателями.

Политические действия, связанные с использованием публичных механизмов, но направленные на достижение латентных целей (не общественно значимых результатов), могут быть описаны как эксплицитные, т.е. объясняемые, сугубо внешне явные, выражаемые, прибегающие к внешним разъяснениям. Целедостижение в такой политике гласное и открытое, однако целеполагание остается вещью в себе либо может носить имитационный, формальный, не имеющий отношения к реальному положению дел характер.

Политические действия, связанные с использованием латентных механизмов, но направленные на достижение публично декларируемых целей (общественно значимых, ожидаемых результатов), при этом становятся имплицитными, т.е. подразумеваемыми, не до конца четкими, публично не явными, предполагаемыми. Целеполагание в данном случае вполне укладывается и в нормативные, публично обусловленные рамки, однако процесс целедостижения определяется неконкретно и весьма условно, не всегда доступно, оставляя разной степени широты пространства для маневрирования и интерпретирования как со стороны самих участ-

ников, так и тех, кто наблюдает за результатами их активности.

Эксплицитные и имплицитные элементы политики раскрываются через латентные механизмы и технологии. При этом у них есть и публичная, «видимая» часть, позволяющая идентифицировать их использование в политическом процессе — соответственно, ресурсная составляющая (скалярная) или целевая (векторная).

В эксплицитной конфигурации публичными являются скалярные характеристики — механизмы политики, а те реальные цели, ради которых они задействуются и на которые направлены (векторы), тщательно скрываются или замалчиваются. Примером может служить современная символическая политика [14], механизмы и технологии которой (символика, идеологические ориентиры, историческая память) определяются системой целей и задач, которая в большей степени формируется латентно.

Эффективность символической политики определяется публичной самооценностью реализуемых инструментов, которые призваны устойчиво позиционироваться в сознании граждан в качестве не столько средств, сколько самостоятельных целей социальных связей. Таким образом, политическое использование этих инструментов оказывается в прямой зависимости от целеполагания действующих акторов, остающегося в тени.

В имплицитной конфигурации ситуация обратная: цели, приоритеты, конечные результаты (ожидаемые) проводимой политики публичные и четко заявленные, носят общественно значимый и, в целом, разделяемый характер. Однако достигаются они с использованием латентных механизмов — непубличных мер и инструментов решения поставленных задач, формируемых и задействуемых в рамках закрытых коммуникационных контуров определенных акторов.

Примером имплицитных механизмов может выступать поддержка бизнесом политических и общественных проектов или, наоборот, государством — деятельности некоммерческого сектора, ГОНГО, предоставление грантов и др. [19]. Социально значимые цели — реализация социальной ответственности бизнеса и поддержка институтов гражданского общества — реализуются посредством стимулирования активности тех гражданских игроков, которые развивают выгодные заказчику инициативы и продвигают нужные ценности и смыслы.

При этом ни в эксплицитных, ни в имплицитных политических действиях латентные элементы не изолированы: и в целях, и в механизмах они могут

взаимодополнять публичные явления. Дополнительный общественно-привлекательный эффект в данном случае «прикрывает» решение разного рода скрытых задач — способствует, своего рода, «отмыванию» политики, опирающейся на функционально обусловленные, но, возможно, социально небесспорные приоритеты и активности. Однако именно латентные явления в силу мотивирующего характера их скрытого действия обладают особым импульсом для целеустремленности акторов.

Так, в эксплицитной конструкции наряду с недоступными публике целями могут постулироваться и открыто заявляемые приоритеты, имеющие значение для социума, но при этом носящие вторичный, вспомогательный, а то и отвлеченно-декларативный характер, уводящий от сути и истинного предназначения принимаемых решений и мер. В имплицитной конструкции наряду с неявными и прямо не обозначаемыми механизмами могут разрабатываться и реализовываться множество проектов и мероприятий, носящих подчеркнуто гласный и заметный характер, активно позиционируемых в публичном пространстве, однако не ведущих непосредственно к целевому результату.

ОСОБЕННЫЕ ПАРАМЕТРЫ ЛАТЕНТНОЙ СФЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

В контексте гибридных латентно-публичных действий, проявляющихся в фактах объективной реальности, явления имплицитной политики в большей степени отражают содержание латентной сферы, поскольку опираются на нестатичные латентные механизмы, осуществляемые в русле конвенциональных, публично фиксируемых и делиберируемых политических целей. У таких механизмов есть объективная и стабильная «публичная» база.

При этом важно оговориться, что сама предсказуемо неочевидная специфика латентной сферы, ее нелинейность и сущностная нетранспарентность позволяют не только достраивать публичные цели и механизмы за счет их латентных антиподов, субститутов и комплементариев (отрицающих, заменяющих или дополняющих элементов), но и предполагать у нее (латентной сферы) наличие разнообразных функционально-динамических свойств, позволяющих изменять структуру и действенность политической целесообразности по мере реализации согласованных приоритетов.

В частности, за счет умолчания о сложностях и переключения внимания на более актуальные общественные предпочтения, подмены фактов о реальном положении дел мнениями о якобы бо-

более насущных задачах государства, меняющиеся латентные цели и механизмы могут становиться частью публичной повестки, а подлинно значимые публичные приоритеты (прежде признанные в качестве таковых) — вытесняться на периферию общественной заботы.

Иными словами, латентная сфера — это не столько дополнительное, сколько именно базовое измерение политики, последовательное погружение в которое наделяет участников все более полным набором опций как для восприятия реальных процессов, так и для критического воздействия на них. Здесь аккумулируется максимально широкая инструментальная палитра, выгодно отличающаяся от более «одномерных» возможностей приобретающей в данном случае «надстроечный» характер публичной сферы, находящейся в зависимости от массы транзакционных факторов.

Приобретая конкретные значения в реальных конфигурациях публичной и латентной сфер, обозначенные общие параметры латентных явлений обретают уже их особые качества, отражающие предметную специфику механизмов недекларируемого воздействия в определенных узлах политического процесса.

Так, в случае проекции публично-латентной дихотомии на рассмотренных этапах целеполагания и целедостижения на выделенные уровни политики образуются кластеры как публичных, так и латентных вариаций активности в рамках микрополитических, мезополитических, макрополитических и мегаполитических отношений.

В частности, на макрополитическом уровне, где формируется и реализуется государственная политика, нацеленная на публичные приоритеты развития страны, параллельно (а по сути — в первую очередь) решаются функционально обусловленные скрытые задачи по завоеванию и удержанию политической власти. Происходит это, в частности, с опорой на латентное манипулирование механизмами сплочения и солидаризации широких слоев населения, позволяющее ставить общую волю коллективного актора в зависимость от интересов политического класса.

На мегаполитическом уровне, где в пространстве глобального взаимодействия и международных отношений также происходит формирование и реализация государственной политики, призванной укреплять и развивать национальные интересы формально равноправных суверенных участников, одновременно не прекращается скрытая борьба (также остающаяся основополагающей для данного уровня) за влияние на мировые процессы и де-факто

подавление суверенитета конкурирующих игроков. В стремлении утверждать собственные позиции в мире акторы совершенствуют механизмы и технологии скрытного воздействия на процессы поверх собственных границ — начиная с ресурсов мягкой силы и практик публичной дипломатии и заканчивая современными инструментами транснациональных финансово-экономических рестрикций и все более изощренных прокси-войн (вооруженной борьбы чужими руками, «по доверенности»).

Мезополитический уровень, выступающий ареной взаимодействия групповых акторов, формирует более вариативное пространство для воспроизводства латентной сферы и ее механизмов, опирающееся на национальные, корпоративные и функционально-ролевые особенности реализуемых на данном уровне политических отношений. Вместе с тем в контексте «магистральной» ориентации на артикулирование и агрегирование групповых интересов происходит и априорное латентное устремление, во-первых, к подавлению конкурирующих групповых интересов и доминирующему навязыванию своих групповых ценностей, а во-вторых, к интеграции собственного узкогруппового латентного целедостижения в более широкие публичные механизмы реализации ресурсных общественно значимых интересов. Это приводит к активному соприкосновению с государственной политикой посредством лоббистских инструментов, технологий GR и прочих форм групповой самопрезентации.

Особым образом проявляется латентная сфера и на микрополитическом уровне, где уже индивидуальная специфика участников взаимодействия сказывается на пересечении их скрытых целевых установок и механизмов самопродвижения с публичными возможностями социальной среды. Вместе с тем, несмотря на, возможно, «корневой» характер воспроизводящихся впоследствии латентных практик, такого рода особенности обусловлены уже природой не столько функциональности политических действий как таковых, сколько факторами социально-психологического толка, связанными и с конкретными акторами, и с их межличностными связями.

В силу субъект-объектной специфики, возникающей на разных уровнях политики, дифференцируется и оптика рассмотрения латентных механизмов в результате приложения общих параметров классификации политики на различные отраслевые направления (сферы). Среди широкого разнообразия отраслевых политик можно особым образом выделить внутреннюю политику как арену отношений

между государством и обществом, соотносимую с макрополитическим уровнем; внешнюю политику как арену взаимодействия между структурами и акторами внешней среды, отражающую мегаполитический уровень; а также особую административную политику, вбирающую в себя многообразие связей внутри государственного аппарата и концентрирующую, таким образом, арену конкуренции групповых акторов за ресурсы государства, его институтов и аффилированных структур (мезополитический уровень).

Все три обозначенные уровнево-содержательных кластера образуют не только относительно автономные пространства политических отношений, но и особые арены взаимодействия акторов — своего рода акторские сгустки (концентрации разных акторов на разных аренах), предопределяющие характерные латентные формы самопрезентации и подспудной (имплицитной) легитимации реализуемых политико-административных стратегий. Они, в свою очередь, представляют собой уже более адресные особые параметры явлений, формирующихся в латентной сфере политики.

ВЫВОДЫ

Объективно обусловленные латентные явления, формируемые многочисленными акторами на разных аренах и уровнях взаимодействия, образуют в политике особую латентную сферу, вбирающую в себя индивидуальные и групповые приемы и практики, сочетающие развитие общественно-политической среды с завоеванием и удержанием власти, а потому дистанцирующие от прямого вовлечения осуществляющего контрольные функции коллективного актора.

Латентная сфера представляет собой пространство политической активности «без спроса» со стороны «всевидающего ока» масс как источника легитимности принимаемых и реализуемых решений. В основе искомой эффективности механизмов и технологий латентной сферы — свобода маневрирования акторов, максимально «защищенная» от издержек транзакционного характера, накладываемых социально-политическими обязательствами перед коллективным актором: подотчетности, прозрачности, социальной справедливости, легальности и т.д.

При этом латентная сфера — пространство для отнюдь не просто разовых, сиюминутных ad hoc инструментов, куда периодически «заглядывают» акторы, не желающие решить конкретный вопрос открыто и публично. Это сфера постоянного взаимодействия всех значимых игроков, которая изначально формировалась (задолго до возникновения современных публичных механизмов) в качестве основной арены продвижения интересов всех властно значимых участников политического процесса.

Сама политика, таким образом, предстает в двух ипостасях-сферах, отражающих публично-имитационную видимость отношений всех со всеми и латентно-фактическую реальность взаимодействия подлинных акторов, представляющих политический класс, элиты, правящую группу. Границы между обеими сферами при этом остаются весьма подвижными в силу изменчивости самого политического пространства, однако пределы латентной сферы безусловно коррелируют с реальными направлениями взаимодействия ключевых де-факто игроков, механизмами реализации ими своих интересов и формами самопрезентации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Соловьев А.И. Латентный функционал публичной политики. *Политическая наука*. 2022;(3):57–79. DOI: 10.31249/poln/2022.03.03
2. Hoff P.D., Raftery A.E. and Handcock M.S. Latent space approaches to social network analysis. *Journal of the American Statistical Association*. 2002;97(460):1090–1098. DOI: 10.1198/016214502388618906
3. Dorff C, Minhas S., Ward M. Latent networks and spatial networks in politics. In: *The Oxford Handbook of Political Networks*. Oxford: Oxford University Press; 2017:249–276. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780190228217.013.11
4. Коктыш К.Е., Сергеев В.М. Рождение глубинного государства. *Полис. Политические исследования*. 2024;(1):134–148. DOI: 10.17976/jpps/2024.01.10
5. Барсукова С.Ю. Теневая экономика и теневая политика: механизм сращивания. Препринт WP4/2006/01. Москва: ГУ ВШЭ; 2006. 48 с. URL: <https://elibrary.ru/qrexwr>
6. Манойло А.В. Основные теории современных информационных войн. *Геополитический журнал*. 2017;(4):3–23. URL: <http://isip.su/ru/journals/download?id=21&type=1>
7. Vedung E. *Public policy and program evaluation*. Routledge, 2017. DOI: 10.4324/9781315127767
8. Гаман-Голутвина О.В. Мировой опыт реформирования систем государственного управления. *Вестник МГИМО-Университета*. 2013;(4):187–194. DOI: 10.24833/2071-8160-2013-4-31-187-194

9. Setälä M. Connecting deliberative mini-publics to representative decision making. *European Journal of Political Research*. 2017;(4):846–863. DOI: 10.1111/1475-6765.12207
10. Соловьев А.И. Государственные решения: концептуальный простор и тупики теоретизации. *Полис. Политические исследования*. 2015;(3):127–146. DOI: 10.17976/jpps/2015.03.08
11. Cairney P. The politics of evidence-based policy-making. Springer, 2016. DOI: 10.1057/978-1-137-51781-4
12. Dror Y. Public policy making reexamined. Routledge, 2017. DOI: 10.4324/9781315127774
13. Меркулов П.А. Малик Е.Н. Государственная политика в сфере политической грамотности и политического воспитания российской молодежи. *Власть*. 2016;(4):83–87. URL: <https://elibrary.ru/vvnhv>
14. Джонсон Дж., Малинова О.Ю. Символическая политика как предмет political science и Russian studies: исследования политического использования прошлого в постсоветской России. *Политическая наука*. 2020;(2):15–41. DOI: 10.31249/poln/2020.02.01
15. Шабров О.Ф. Сущность и механизмы политического представительства. *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. 2009;(6):110–111. URL: <https://elibrary.ru/mwgrbb>
16. Григорьева Н.С., Чубарова Т.В. Международная передача знаний в контексте политического процесса: роль причинных механизмов. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2024;(107):135–151. DOI: 10.24412/wjpf2933
17. Махмутова Е.В. О новом политическом механизме Китая в Центральной Азии. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2023;(28):88–99. DOI: 10.48647/ICCA.2023.77.73.008
18. Almond G.A. The history of political science: An Essay. In: *Ventures in Political Science*. London: Lynne Rienner Publishers; 2002.
19. Лушников Д.А. Организованные правительством неправительственные организации (GONGO): генезис проблематики, интерпретация и функции. *Полис. Политические исследования*. 2019;(2):137–148. DOI: 10.17976/jpps/2019.02.10

REFERENCES

1. Soloviev A.I. Latent functionality of public policy. *Political science*. 2022;(3):57–79. (In Russ.). DOI: 10.31249/poln/2022.03.03
2. Hoff P.D., Raftery A.E, and Handcock M.S. Latent space approaches to social network analysis. *Journal of the American Statistical Association*. 2002;97(460):1090–1098. DOI: 10.1198/016214502388618906
3. Dorff C, Minhas S., Ward M. Latent networks and spatial networks in politics. In: *The Oxford Handbook of Political Networks*. Oxford: Oxford University Press; 2017:249–276. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780190228217.013.11
4. Koktysh K.E., Sergeev V.M. The birth of the deep state. *The policy. Political research*. 2024;(1):134–148. (In Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2024.01.10
5. Barsukova S.Y. Shadow economy and shadow policy: The mechanism of coalescence. Preprint WP4/2006/01. Moscow: Higher School of Economics; 2006. 48 p. URL: <https://elibrary.ru/qrexwr> (In Russ.).
6. Manoilo A.V. Basic theories of modern information warfare. *The Geopolitical Journal*. 2017;(4):3–23. URL: <http://isip.su/ru/journals/download?id=21&type=1> (In Russ.).
7. Vedung E. Public policy and program evaluation. Routledge; 2017. DOI: 10.4324/9781315127767
8. Gaman-Golutvina O.V. The world experience of reforming public administration systems. *Bulletin of MGIMO University*. 2013;(4):187–194. (In Russ.). DOI: 10.24833/2071-8160-2013-4-31-187-194
9. Setälä M. Connecting deliberative mini-publics to representative decision making. *European Journal of Political Research*. 2017;(4):846–863. DOI: 10.1111/1475-6765.12207
10. Soloviev A.I. State decisions: Conceptual scope and dead ends of theorization. *The policy. Political research*. 2015;(3):127–146. (In Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2015.03.08
11. Cairney P. The politics of evidence-based policy-making. Springer, 2016. DOI: 10.1057/978-1-137-51781-4
12. Dror Y. Public policy making reexamined. Routledge, 2017. DOI: 10.4324/9781315127774
13. Merkulov P.A. Malik E.N. State policy in the field of political literacy and political education of Russian youth. *Power*. 2016;(4):83–87. URL: <https://elibrary.ru/vvnhv> (In Russ.).
14. Johnson J., Malinova O.Y. Symbolic politics as a subject of political science and Russian studies: Studies of the political use of the past in post-Soviet Russia. *Political science*. 2020;(2):15–41. (In Russ.). DOI: 10.31249/poln/2020.02.01

15. Shabrov O.F. The essence and mechanisms of political representation. *Problem analysis and public management design*. 2009;(6):110–111. URL: <https://elibrary.ru/mwgrbb> (In Russ.).
16. Grigorieva N.S., Chubarova T.V. International knowledge transfer in the context of the political process: The role of causal mechanisms. *Public administration. Electronic bulletin*. 2024;(107):135–151. (In Russ.). DOI: 10.24412/wjpf2933
17. Makhmutova E.V. About China's new political mechanism in Central Asia. China in global and regional politics. *History and modernity*. 2023;(28):88–99. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2023.77.73.008
18. Almond G.A. The history of political science: An Essay. In: *Ventures in Political Science*. London: Lynne Rienner Publishers; 2002.
19. Lushnikov D.A. Government-organized non-governmental organizations (GONGO): The genesis of problematic issues, interpretation and functions. *The policy. Political research*. 2019;(2):137–148. (In Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2019.02.10

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Александр Евгеньевич Коньков — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политического анализа, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; доцент кафедры политологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
Alexandr E. Konkov — Cand. Sci. (Political), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of Political Analysis, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; Assoc. Prof., Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0002-6198-9962>
AEKonkov@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 23.07.2025; принята к публикации 11.09.2025.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received 23.07.2025; accepted for publication 11.09.2025.
The author read and approved the final version of the manuscript.